

Е. К. Луговая

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ТАНЦЕВ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сегодняшний интерес к фольклору вызван серьезными изменениями в культуре, которая не осталась в стороне от общих глобализационных процессов. В условиях все большего взаимопроникновения культур (не всегда осознанного и свободного) все острее заявляет о себе проблема самоидентификации нации, народа и личности. Подсчитывая выгоду от транснациональных проектов, политики не сразу заметили ущерб, который был нанесен культурной самобытности и вообще духовной составляющей культуры народов. Космополитические тенденции в развитии самосознания и самоопределения земель не обернулись, как ожидалось, расцветом мировой культуры и искусства, а напротив, стали причиной их массовизации, примитивизации и маргинализации.

Осознав масштаб негативных последствий этих изменений, международные культурные организации, так же как правительства большинства стран мира, сегодня серьезно озабочены происходящим и предпринимают всевозможные меры для спасения культурного многообразия и самобытности народов, населяющих нашу планету. Растущее внимание к патриотической составляющей в воспитании своих граждан тоже можно считать следствием осознания потерь от еще недавней воспитательной политики, ориентированной на формирование интернационализма и толерантности. Совершенно очевидно, что незаменимым помощником в деле «обретения корней» может стать продуманная государственная политика не только по сохранению традиционной народной культуры, но и по возвращению ей достойного места в системе воспитания и образования будущих граждан, так как в условиях секуляризации сознания народная культура становится важным средством сохранения духовности и моральных устоев общества.

Традиционная культура, так же как мифологическое сознание, имеет диффузный, нерасчлененный характер, она основывается на принципе партиципации (сопричастности или включенности во все процессы, с которыми имеет дело человек). Различные традиционные культуры при всей своей вариативности по сути являются удавшимися формами первичной самоорганизации человеческого сообщества, еще не противопоставляющего себя порядку природного мира (космоса), а наоборот, сориентированного на него. Благодаря уверенности в неразрывном единстве своего существования со своей общиной, природой и космосом человек традиционной культуры обретал ощущение защищенности и наполненности своей жизни смыслом. Особенностью, теперь можно добавить, спасительной традиционных культур является их локальный характер, под которым понимается не только привязанность к географическому месту существования, но и сплоченность социального тела. Они представляют собой разросшуюся родовую об-

щину, не утратившую духовную и телесную целостность; единое социальное тело складывается здесь из множества единичных тел, которые не ведут борьбу за высвобождение, а наоборот, следуют принципу: «счастье быть частью». Сплоченность представителей традиционного общества, в котором человек еще слит со своим родом, в свою очередь растворенным в природе, носит по большей части телесный характер («лицом к лицу», «плечом к плечу», «рука об руку»), ибо осознание предметного мира происходит у человека параллельно с осознанием своего тела. В традиционном обществе тело является условием любого восприятия и понимания пространства в целом; близостью к собственному телу человек и оценивает мир, наделяя его бинарным характером: значимо только близкое (ко мне), все далекое (от меня) — чуждо и безразлично.

По мере же модернизации жизни общества человек последовательно утрачивал ощущение этих незримых нитей, связывающих его с другими людьми, природой и космосом в целом. Верность традициям перестала казаться единственно возможным способом существования, наоборот, представлялось необходимым отбросить мудрость предков как цепи, вериги, мешающие быстрому продвижению в «светлое завтра». В этой прагматической гонке за прогрессом человек мог доверять только своему разуму и научным прогнозам. Однако разочарование не заставило себя долго ждать. Просветительская вера в прогресс и силу разума оказалась утопичной, обрести новую прочную почву под ногами так и не удалось. Жажда индивидуальной свободы обернулась одиночеством и разгулом неконтролируемых всплесков бессознательного. Сегодня мы являемся свидетелями ускорения всех социальных процессов (технологических, экономических, политических), но главная проблема состоит в том, что «ускорение внешнее преобразуется в ускорение внутреннее» [1, с. 132]. Конечная цель глобализации так и не достигнута, но уже очевидны утраты. Во-первых, мы потеряли пространственную определенность: с момента появления глобальной информационной паутины и образования кибернетического пространства людей стало невозможно разделять физическими препятствиями и временными расстояниями. В кибернетическом пространстве все движется со скоростью света, а это ведет к дематериализации реальности. Стремление к прозрачности, проницаемости, транспарентности уничтожает физический мир с его тяжестью, непроницаемостью и инертностью. Характерно, что сторонники киберпространства сравнивают его с христианским раем, так как личность здесь наконец освобождается от ограничений, связанных с физическим существованием [см. 2].

Во-вторых, мы теряем телесную полноценность и оформленность. Парадоксально, но постоянные манипуляции с собственным телом ради приведения его в соответствие с принятыми в обществе стандартами формы, запаха и цвета лишили нас способности слышать и чувствовать его. И, наконец, можно говорить об утрате европейцами своей духовной основы — веры в личность и ее рациональные возможности. Для соответствия новой реальности человеку потребовалось стать пластичным, приспособляемым, освободиться от избыточной сложности. Долговечность, надежность — эти идеалы прошлых эпох уже не применимы ни к вещам, ни к людям; важным сегодня считается умение «вливаться»

и «быть в курсе». «Прозрачность» делает людей «интерактивными», доступными для всевозможных комбинаций и связей, но не для ответственной мысли. Люди поверили в свою одинаковость и почти добровольно отказались от собственной уникальности, человек стал безразличен к собственной субъективности, к собственному отчуждению, к собственному мнению. Для виртуальной реальности подходят только виртуальные люди, и современное западное общество преуспело в созидании своих новых членов, причем не только за счет обезличивания, омассовления людей, но и за счет привлечения эфемерных персонажей, сконструированных моделей, «детей из пробирки». Вся эта эфемеризация жизни во всех ее проявлениях неизбежно ведет к кризису адаптации, возрастанию числа случаев психического расстройства, потери душевного равновесия и к полной невозможности самоидентификации.

Повернуть историю вспять невозможно, но есть возможность сознательного обращения к культурному опыту предыдущих эпох как средству обретения психического, социального и экологического равновесия. Так же как сегодня приводятся научные подтверждения пользы религиозных постов, молитв и медитаций, можно попытаться обосновать реальный терапевтический социокультурный эффект от использования в жизни современного человека практик традиционной народной культуры. Осуществление подобной задачи потребует привлечения знаний множества специалистов из разных областей современных социальных и гуманитарных наук, так как традиционная культура в силу своего синкретизма связана со всеми многообразными формами жизни социума. Наше же внимание направлено исключительно на определение роли традиционной танцевальной культуры в жизни современного человека и общества.

Традиционная культура в формах своего естественного бытования давно канула в Лету, поэтому судим мы о ней главным образом по тем материальным следам (архитектурным памятникам, предметам труда и быта), которые являются лишь косвенными свидетельствами былой жизни, средоточием которой некогда был ритуал, единое синкретическое обрядовое действо, направленное на поддержание племенного и космического порядка, а основной связующей формой самого ритуала, бесспорно, был танец [см. 3]. Можно сказать, что древние люди не проповедовали свою религию, а танцевали ее, потому что весь мир выступал для них в форме магического танца видимых и невидимых сил. Символические движения танца воспринимались древними людьми как вечная связь между сейчас и потом, рождением и смертью, телесным и духовным. Спустя тысячелетия танец эмансипировался и получил статус вида искусства, но и сегодня он остается накрепко связанным с празднично-мифологической стороной жизни культуры, с незапамятных времен сохраняя в себе первоначальное единство человека и природы, реального и сакрального миров. Так же как и мифологическая реальность, мир танца абсолютен, самоценен и самоопределим, его движения не имеют внешней цели и направленности, но при этом танец не сторонится вмешательства внешнего мира, его абсолютность в том и состоит, что он может растворить в себе все: какие бы мотивы реальной жизни ни входили в танец, они ритмизируются

и формализуются самим этим доступом в «магический круг», получая новый метафорический смысл.

У современного человека не исчезла потребность в ритуальном существовании, и, тем более, не претерпела изменений привязанность человека к движению, причем не только как к средству эмоционального самовыражения (снятия напряжения), но и как к полноценному эстетическому (художественному) движению — танцу, способствующему приобщению к высшим смыслам и ценностям. Незаменимым элементом любой культуры танец делает прежде всего то, что в любой своей форме он сохраняет момент сакральности. Танец не просто за (вы)разителен, он метафоричен, он вносит метафизическое в физическое, трансцендентное — в нас. На эту специфическую особенность танца обращал внимание М. Бежар: «Танец — явление социальное. Пока танец рассматривается как обряд, обряд одновременно сакральный и человеческий, он выполняет свою функцию. Превращенный в забаву, танец перестает существовать» [4, с. 91].

Подтверждением социальной функции танца можно считать его роль в осуществлении коммуникативной связи. Известный американский ученый, автор фундаментального труда «Стили фольклорных песен и культура» А. Ломакс считает, что «танец как таковой представляет собой эскиз или модель жизненно необходимой коммуникативной связи, сфокусировавшей в себе наиболее распространенные моторно-двигательные образцы, которые наиболее часто и успешно использовались в жизни большинством людей данной культурной общности» [5, р. 223]. Традиционные танцы, претендуя на изображение и передачу родовой сущности человека (так как их сюжеты связаны с ежедневными обязанностями членов общины, с задачей продолжения и укрепления рода), всячески стремились к укреплению канонов и избегали индивидуальной трактовки движений. Внутренняя особенность народного танца — образное отражение именно идеальных черт национального характера — позволила ему сохранить эти ценности и идеалы для потомков. Поэтому было бы непростительной ошибкой не воспользоваться этой кладовой национальной духовности в деле патриотического воспитания наших современников. Не менее важно в современных условиях множатся межнациональных конфликтов, что свою установку на положительный стереотип народно-сценический танец переносит и на другие народы, что способствует росту взаимопонимания и добрососедским отношениям с ними.

Телесное выражение человека считается первым проблеском языка, изначально только тело и осуществляемое им движение связывали слова с их смыслом. Но со временем самодостаточный, эмоционально насыщенный язык жеста был вытеснен из практической жизни человека словом, область его влияния ограничилась почти исключительно художественной сферой, зато здесь он остается активным средством объективации самосознания личности и общества, а также способом хранения и передачи высших ценностей культуры. Нельзя допустить, чтобы столь мощный духовный потенциал народного танца оказался невостребованным, забытым и утраченным. Грустно наблюдать, как увлеченно разучивают сегодня наши сограждане различные варианты уличного и эстрадного танца,

не осознавая, что за безобидным, казалось бы, развлечением продуктами массовой культуры скрывается угроза потери духовных культурных традиций, а вместе с ними — своего будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер О. Столкновение с будущим // Иностранная литература. 1972. № 3. С. 132–136.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. 188 с.
3. Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев: Штиинца, 1977. 218 с.
4. Бежар М. Мгновение в жизни другого. Мемуары. М.: Союзтеатр СТД СССР, 1986. 242 с.
5. Lomax A. Folk Song Style and Culture. Washington, D. C.: American Association for the Advancement of Science, Publ. 1968. 363 p.